

ОТЗЫВ

официального оппонента Золяна Сурена Тиграновича
о диссертационном исследовании Фещенко Владимира Валентиновича
«ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ТЕОРИИ ЯЗЫКА И
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ»
представленном на соискание ученой степени доктора филологических наук по
специальности: 10.02.19 – Теория языка

Работы В.В. Фещенко хорошо знакомы исследователям, специализирующимся в области рассмотрения креативных аспектов языковой деятельности. Оригинальность и основательность работ диссертанта уже сделали его признанным авторитетом в этой области. Остается только порадоваться, что необходимость защитить докторскую диссертацию заставила его собрать воедино и систематизировать ранее достигнутые им результаты. В этом новом контексте они стали выглядеть даже несколько убедительнее, поскольку то, что казалось недостаточно аргументированным и спорным, в рамках единой системы приобретает дополнительную валидность.

Наличие содержательного и предельно внятно изложенного автореферата избавляет от необходимости повторять положения диссертанта об актуальности и новизне его работы. Она и нова, и актуальна, что, кстати, может и противоречить друг другу. Принципиально новое может стать актуальным только спустя определенное время. В случае исследования В.В. Фещенко дело обстоит несколько иначе: направление уже можно считать вполне устоявшимся, однако, несмотря на солидную историю, восходящую, наверно, как минимум к Аристотелю, в лингвистике оно все еще в поисках своей идеологии и инструментария.

Сам факт вынесения подобного исследования на защиту по специальности «теория языка» уже само есть свидетельство изменения лингвистической парадигмы и институционализации этого изменения. Это есть и знак, и результат происшедшего «лингвоэстетического поворота в лингвистике».

Актуальность и новизна исследования может быть особо выпукло продемонстрирована, если попытаться рассмотреть ее с позиций предшествующего этапа. Так, в 1973 году Клод Леви-Стросс, исследователь, сочетающий научный метод с поэтическим и эстетическим, многие страницы которого читаются как литературные произведения, тем не менее счел нужным противопоставить «хороших и правильных» лингвистов «неразумным» философам, искажающим идеи лингвистов по следующему основанию:

«Специфические споры между лингвистами представляют собой особую материю; совершенно иным является неправомерное использование некоторыми философами отдельных высказываний, составляющих содержание этих споров: в своем наивном заблуждении они считают, что, перенося внимание с совокупности правил, относящихся к языку, на процесс выражения тех или иных идей, лингвисты вновь возводят на пьедестал фигуру свободного и творчески одаренного субъекта, престиж которого был подорван его кощунственными предшественниками»¹.

В этом отношении В.В. Фещенко поступает именно так, от чего предостерегал философ Левин-Стросс: «в своем наивном заблуждении» диссертант показывает, что процесс выражения неотделим от свободного и творчески одаренного субъекта, а языковая деятельность - это не автомат с конечным числом состояний (любимая метафора из 1960-х), а гумбольдтовская «энергея» и многозначность этого слова воспроизводит многогранность и нелинейность языковой деятельности. Применительно к исследованию можно применить сказанное исследователем о русской поэзии и поэтике начала XX века: «Тезис Гумбольдта о языке-«энергея», а не «эргоне» получает значительное расширение и вместе с тем конкретизацию с особым вниманием именно к слову как важнейшему инструменту поэтической практики и творческого отношения к языку вообще» (автореферат, с. 16).

Если переходить к конкретным положениям, то придется разорвать целостный характер работы, как бы выковыривать «изюминки» из булки. Так, в качестве вызывающих особый интерес положений хочу особо отметить следующие:

1. Существенным представляется расширение концепции семиозиса и семиотики языкового знака в художественном тексте. Это, во-первых, рассмотрение его как триады, а не бинама: «Мир художественных знаков, формирующийся в художественном произведении, моделируется как соотношение между означающей художественной формой, означаемым художественным содержанием и означиваемой внутренней формой» (автореферат, с. 8). В дальнейшем многомерность отношений между означаемым и означающим дополняется еще и тем, что ей придается динамика – путем возможности вращения т.н. «треугольника» и инверсии отношений «означаемое – означающие» (диссертация, с. 188 - 191). Кажется весьма естественным дополнить схему также и в свете концепции асимметричного дуализма языкового знака, что, возможно, будет предпринято в дальнейшем.

2. Весьма интересно и вытекающее из характеристик художественного семиозиса рассмотрение художественной коммуникации: «Художественная коммуникация

¹ К. Левин-Стросс. МИФОЛОГИКИ: ЧЕЛОВЕК ГОЛЫЙ. МОСКВА: Free fly, 2007, с. 651.

представляет собой внутренне многослойный, внешне многовекторный и прагматически многополюсный процесс» (автореферат, с. 8). Такой подход позволяет синтезировать существующие противоположные точки зрения и в то же время показать возможности перехода от одной к другой (удачные примеры подобных трансформаций, особенно при рассмотрении понятия знака и процессов коммуникации, можно найти в самой диссертации).

3. Диссертанту удалось дополнить и уточнить существующие представления о характере поэтической функции как установки на выражение (в терминах 1920-х годов), или установки на сообщение (в терминологии 1960-х, вплоть до настоящего времени). Он использует активно применяемые в современной теории систем понятия аутопойесиса и автореференции, что позволяет ему выявить новые аспекты проблемы.

4. Отмеченные результаты складываются в цельную картину и позволяют перенести функциональные характеристики на весь процесс и его отдельные компоненты: «Автокоммуникативность как обратимость связи «адресант-код-сообщение-адресат» есть проявление рефлексивности в художественном дискурсе поэтической (автопоэтической) коммуникации и коммуникации метаязыковой. В экспериментальной литературе и искусстве XX в. происходит сближение собственно поэтической (автопоэтической) коммуникации и коммуникации метаязыковой (метапоэтической) в различных формах междискурсивного взаимодействия (автореферат, с. 8 – 9).

5. Думаем, что идея о связи автопоэтической коммуникации и коммуникации метаязыковой (метапоэтической) может иметь перспективное расширение и существенно углубить наши представления о фундаментальных характеристиках языка. В обоих случаях речь идет об установке на выражение, и целесообразность введенного Романом Якобсоном разграничения между установкой на код и установкой на сообщение может стать объектом полемики. Однако мы бы не стали ограничивать связь между этими функциями рамками экспериментальной поэзии XX века, другое дело, что снятие жанровых канонов и гибридизация (а в других случаях - нейтрализация) коммуникативных интенций, в самом деле, сделали указанное разграничение в ряде случаев бессмысленным.

6. Комплексное видение проблематики позволяет В.В. Фещенко найти сердцевину того, что принято называть языком в поэтической функции; это рефлексивность: «рефлексивность представлена как конститутивная черта художественного дискурса, определяющая более частные рефлексивные механизмы: автокоммуникацию, автореференцию, взаимодействие автопоэтической и метапоэтической функций» (диссертация, с. 14). Это положение убедительно демонстрируется применительно к этим аспектам. Думаем, что развитие этой идеи может получить и несколько отличное

воплощение, при описании семантико-синтаксических и прагмасемантических механизмов коммуникации в целом, если удастся связать рефлексивность с соответствующими механизмами рекурсии и предложить методiku подобного описания.

Особо хочу отметить стиль изложения: сложные проблемы излагаются ясно, но и без упрощения, а разнородность используемого материала, цитируемых концепций, эпох и языков не приводит к какофонии, и это, разумеется, дополнительное свидетельство продуманности авторской концепции.

Переходя к обязательным для жанра отзыва замечаниям, отмечу, что их практически нет. Есть положения, с которыми можно не соглашаться, но это не есть недостаток диссертации, а пункты, относительно которых возможна дискуссия. Учитывая характер исследования, ее одновременно новаторскую и достаточно разработанную проблематику, практически любой концептуально значимый пункт исследования может вызвать полемику.

А при похвальном желании диссертанта объять необъятное, и вопросы могут также относиться к области необъятного. Вопросы начинаются с самого заглавия: союз «и» сравнивает несколько разнородные явления.

1. Можно понять, что значит «ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ТЕОРИИ ЯЗЫКА» - поскольку можно представить лишенную лингвоэстетического измерения вполне respectable теорию, например, грамматики Монтегю. Но трудно представить нечто иное если речь идет именно о художественном языковом эксперименте.

2. Тем более, что диссертант не предоставляет каких-либо объяснений, как следует понимать «лингвоэстетическое» и «эстетическое», а отсылает к имеющимся точкам зрения. Так, сочувственно цитируя О.Г. Ревзину, («Лингвистика лишь заимствует некоторые представления об эстетическом и стремится к тому, чтобы понять, как средствами языка создается “эстетически ценный объект”» [Ревзина 1998: 17] (диссертация, с. 51)), он не останавливается на вопросе: какие именно представления об «эстетическом» она *заимствует*. Эстетика Платона, Канта и Гегеля дают возможность выбора самых различных интерпретаций. Применительно к языку: *эстетика слова* у Шпета и Мукаржовского сильно отличаются, и, кстати, это убедительно показано в диссертации. Поэтому вектор исследования оказывается скорее *скалярной* величиной (если воспользоваться метафорой автора: «Однако главным вектором и одновременно отправной точкой в лингвоэстетическом анализе стоит признать эстетическое изучение словесного творчества, языка как искусства» (диссертация, с. 51)).

3. Впрочем, поскольку само понимание «эстетического» может быть подвижным, то вполне возможно, что строгая дефиниция вряд ли возможна, категория эстетического, как и категория художественного, применима только к конкретным

условиям как создания текста, так и его интерпретации (еще Шкловский и Тынянов рассматривали подобные ситуации - напр., постпозиция прилагательных в древнерусском как явление грамматики и как стилистический прием в современной прозе; явление "глоссолалии" в поэзию было перенесено из религиозных практик, и т.п.). А у Мукаржовского и Лотмана она связывается как раз с нарушением норм. Возможно, имеет смысл релятивизировать это понятие применительно к тексту, контексту, адресанту и адресату, и быть готовым, что в каждом случае будут действовать несовпадающие критерии.

4. Несколько категоричным представляется утверждение: «Характер взаимоотношений между национальным языком и лингвистической теорией конкретной национальной школы определяет особенности экспериментальной реализации художественного дискурса на этом языке». Это же относится и к тому, что характер лингвистической теории связывается с родным языком лингвиста, - если дело обстоит бы так, то как объяснить наличие столь разных лингвистических теорий среди русскоязычных русистов? Другой момент, относительно которого можно задать вопрос – динамика и «смена вех». Кажется, что применяемая автором предложенная в свое время Ю.С. Степановым периодизация слишком ригидна, она не учитывает нелинейного взаимодействия². Нетрудно найти контр-примеры, показать роль литературных влияний, трансферов, переводов и т.п.

Во всех этих случаях предпочтительнее исходить не из жесткой схемы, а предположить наличие некоторого набора сосуществующих возможностей. При периодизации уместнее было бы использовать схему эволюции по формалистам – младшие и старшие ветви меняются местами, и в любой момент и в лингвистике, и в художественном творчестве можно найти весь набор возможностей, но они обладают различным статусом. В процессе эволюции меняются местами доминанта и периферия, «воскрешаются» второстепенные и «забываются» главные герои предшествующего периода.

5. Интересной, но не совсем понятной представляется мысль о том, что «методы работы с языком в семиотике и лингвистической прагматике переносятся в сферу художественного дискурса. Современное искусство базирует свои принципы на языковых играх и лингвистических постулатах. Зона контактов языка и искусства расширяется за счет новых форм художественного дискурса» (диссертация, с. 34 - 35). Как это понимать: речь идет о лингвистических методах или рефлексии над языком? имеется в виду

² «В основе нашего подхода к трем фазам лингвоэстетического поворота лежит концепция Ю.С. Степанова о трех координатах языка и соответствующих им трех видах поэтики и философии языка (семантика, синтактика, прагматика)» (автореферат, с. 6).

лингвистика или уже семиотика? или же речь идет об особых знаковых системах и гибридных вербально-изобразительных языках?

6. Неточным представляется сопоставление между Московско-тартуской (Ю.М. Лотмана) и Московско-новосибирской (Ю.С. Степанова) семиотическими школами: «Если первая школа эксплицитно наследует двум традициям – русской теории 1920-30-х (в том числе Г.Г. Шпету, М.М. Бахтину, Р.О. Якобсону) и американской семиотике Пирса-Морриса, то вторая в большей степени ориентируется на французскую семиологию (от Соссюра до Бенвениста и Барта) и отчасти на прагматически ориентированную философию языка (от Витгенштейна до Остина)» (диссертация, с. 81) Первая совершенно отчетливо ориентировалась на формалистов, при всем уважении к Бахтину отношение к нему оставалось скорее полемическим, а Г. Шпет практически был не актуален. Обращения к Пирсу были эпизодическими и только через Якобсона, он был малоизвестен и о его влиянии применительно к Тартуской школе заговорили уже задним числом, в 1990-х. Скорее, это Ю.С. Степанову принадлежит заслуга популяризации американской семиотики Пирса-Морриса в СССР. Бесспорно и влияние Соссюра, и частично Ельмслева, в разработке понятия вторичной моделирующей системы, но особенно - продолжившая традиции ОПОЯЗ-а и МЛК Пражская школа, предложившая сочетание структурализма и функционализма. Помимо Якобсона, весьма велико было влияние Яна Мукаржовского - Ю.М. Лотман в начале 1970-х подготовил двухтомник русских переводов его статей «Исследования по теории искусства»; к сожалению, по идеологическим причинам публикация оказалась под запретом, он вышел только в 1994 году (он цитируется в диссертации). Остается пожалеть, что диссертант не обратил внимание на вступительную статью Ю.М. Лотмана – в ней, помимо анализа лингвистических и эстетических взглядов Мукаржовского, Ю.М. Лотман подробно останавливается на основных лингвистических теориях XX века, особо отмечая их значимость для изучения художественного творчества³. Кстати, эта же статья показывает, насколько причудливой может быть судьба идей. Так, Лотман особо отмечает идею Мукаржовского о потенциально бесконечной омонимии и синонимии поэтического знака и в дальнейшем активно использует эту концепцию, расширяя ее на все семиотические системы. Между тем, сам Мукаржовский основывался на уже упомянутой нами концепции С. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака, на которую, вполне возможно, повлияли работы Ю.Н. Тынянова и Б.А. Ларина. Думаю, эта небольшая

³ Полная версия этой статьи «Ян Мукаржовский - теоретик искусства» с учетом вариантов опубликована в: Ю.М. Лотман. О структурализме. Работы 1965 - 1970 годов. Издательство Тартуского университета, 2018. Там же помещена содержательная статья Игоря Пильщикова и Михаила Трунина об этом неосуществленном замысле Лотмана.

новелла о судьбе идей прекрасно укладывается в общую концепцию исследования В.В. Фещенко,

7. Как нам кажется, не всегда в должной степени учитывается многозначность ключевых терминов. Так, автор считает, что «если формальный подход к языку ощутим у некоторых лингвистов начала XX в. (Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского), а также у Ф. де Соссюра, главный тезис теории которого – «Язык есть форма, а не субстанция», то зарождение формального подхода к поэтическому языку связано с первыми манифестами и декларациями футуризма и русской формальной школы» (диссертация, с. 396). Очевидно, что понятие «формы» у Фортунатова и Соссюра не совпадают, а дихотомия Соссюра очень близка к характерному для формальной школы противопоставлению формы и материала. Известно воздействие на ОПОЯЗ и МЛК Соссюра - благодаря пропагандистским усилиям вернувшегося из Женевы слушавшего лекции Соссюра С. Карцевского (кстати, именно в соссюрианстве обвиняли ОПОЯЗ-овцев Бахтин и Волошинов).

8. По ряду причин неудачным представляется такое объединение: «Преодолевшие» формализм: Г.О. Винокур, М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, В.В. Виноградов, Л.С. Выготский, В. Вейдле (с. 66). Во-первых, вряд ли уместна реминисценция известной статьи В.М. Жирмунского, заглавие которой было навеяно актуальной полемикой тех лет и литературными вкусами Жирмунского. При перенесении в область научной дискуссии непонятно - а что именно они преодолели и почему. С куда большим основанием на то можно было бы зачислить в этот разряд скорее Jakobson и Мукаржовского, а также Леви-Стросса - учитывая его полемику с Проппом, относительно противопоставления формализма и структурализма. Во-вторых, крайне разнороден состав «преодолевших»: так, Бахтин и Волошинов считали «главным» и наиболее опасным формалистом Виноградова, исследовательская траектория которого применительно к поэтике весьма причудлива, но сформировалась в полемике с Jakobsonом; Выготский и Бахтин, не будучи формалистами, тем самым и не должны были его преодолевать, Пропп скорее изменил объект изучения.

Высказанное несколько не умаляет достоинств работы и полностью укладывается в рамки дискуссии.

Заключая, отметим высокую теоретическую значимость работы, полученные в ней результаты позволяют по-новому подойти к такой фундаментальной проблеме лингвистики и семиотики, как проблема языкового знака, в ней получили системное описание аспекты, связанные с креативным характером языковой деятельности, намечено новое направление при изучении языка в поэтической функции.

Практическая ценность диссертации видится как в возможности ее внедрения в академические программы, так и, учитывая обостренное внимание к метаязыковым аспектам коммуникации, ряд ее результатов могут найти применение при оптимизации информационных технологий.

Автореферат отражает основное содержание работы, что, учитывая широту затронутой проблематики, было достаточно трудной задачей.

Результаты исследования изложены в двух монографиях и в многочисленных публикациях в авторитетных изданиях.

Диссертация соответствует паспорту специальности 10.02.19 – теория языка и полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание доктора наук. Работа полностью отвечает требованиям пп. 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

Учитывая вышесказанное, ходатайствую перед многоуважаемым диссертационным советом Д 002.006.03 при Институте языкознания РАН о присуждении Фещенко Владимиру Валентиновичу степени доктора филологических наук по специальности: 10.02.19 – Теория языка.

07.11.20

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (специальность 10.02.19 – теория языка), профессор,
профессор Института гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Золян Сурен Тигранович

Подпись Золяна Сурена Тиграновича заверяю

